

АНТОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Судебные речи известных русских юристов

Сборник

Часть 1

2-е издание,
исправленное и дополненное

Книга доступна в электронной библиотечной
системе biblio-online.ru

ЮРАЙТ
МОСКВА
2019

УДК 34
ББК 67.7
С89

С89 **Судебные речи** известных русских юристов. В 2 ч. Ч. 1 : сборник / вступ. ст. Г. М. Резника. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 378 с. — Серия : Антология мысли.

ISBN 978-5-534-01852-3 (ч. 1)

ISBN 978-5-534-01853-0

В сборник включены речи известных русских юристов, оставивших значительный след в истории судебного красноречия. Любая из них свидетельствует о незаурядном уме, всестороннем образовании и полемическом искусстве каждого из представленных ораторов.

В книге содержатся краткие биографические очерки о каждом из защитников, необходимые исторические примечания и практические примеры судебных выступлений отечественных адвокатов. В ряде публикуемых речей можно найти интересные рассуждения о роли защитника в процессе, приемах и методах защиты, методике подготовки и произнесения судебной речи и т.д.

Для адвокатов, прокуроров, а также для всех, кто стремится овладеть навыками и культурой публичного выступления, кого заинтересуют замечательные образцы ораторского искусства и вопросы истории отечественного суда.

УДК 34
ББК 67.7

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-01852-3 (ч. 1)
ISBN 978-5-534-01853-0

© ООО «Издательство Юрайт», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ЦВЕТ РУССКОЙ ПРИСЯЖНОЙ АДВОКАТУРЫ	
Вступительная статья Генри Резника	5
УРУСОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ	11
ДЕЛО ВОЛОХОВОЙ	14
ДЕЛО МОРОЗКИНА	21
ДЕЛО О 53 КРЕСТЬЯНАХ СЕЛА ХРУЩЕВКИ, БАРОНА	
МЕДЕМА.....	31
ДЕЛО ГУЛАК- АРТЕМОВСКОЙ И БОГДАНОВА	39
ДЕЛО О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ В КРОНШТАДТСКОМ	
КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ	61
<i>Речь в защиту князя Оболенского.....</i>	61
ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ МАРИИ ДРИЧ	77
ДЕЛО ЛУИ И СУРИНА	91
ДЕЛО САВИЦКОГО И ГАЛКИНА.....	95
ДЕЛО ДМИТРИЕВОЙ И КОСТРУБО- КАРИЦКОГО.....	101
<i>Речь А. И. Урусова в защиту госпожи Дмитриевой.....</i>	101
<i>Речь Ф. Н. Плевако в защиту Каструбо-Карицкого .....</i>	124
<i>Речь В. Д. Спасовича в защиту Дюзинга.....</i>	145
ДЕЛО МИРОНОВИЧА.....	154
<i>Речь А. И. Урусова.....</i>	157
<i>Речь С. А. Андреевского .....</i>	172
<i>Речь Н. П. Карабчевского.....</i>	209
АЛЕКСАНДРОВ ПЕТР АКИМОВИЧ.....	233
ДЕЛО ЗАСУЛИЧ	239
ДЕЛО САРРЫ МОДЕБАДЗЕ.....	263
ДЕЛО НОТОВИЧА	316
<i>Речь П. А. Александрова.....</i>	317
<i>Речь В. Д. Спасовича.....</i>	357

ЦВЕТ РУССКОЙ ПРИСЯЖНОЙ АДВОКАТУРЫ

20 ноября 1864 г. — знаменательная дата в истории России. В этот день были изданы Судебные уставы императора Александра II. Составленные с целью учредить в стране суд «скорый, правый, милостивый», Уставы коренным образом преобразовали отечественное уголовное судопроизводство: безгласность, формализм и канцелярская тайна прежнего инквизиционного процесса сменились состязанием в открытом судебном разбирательстве равноправных сторон обвинения и защиты. Поддержание обвинения Уставы возлагали на прокуратуру, кардинально изменившую свою государственную функцию. Для обеспечения обвиняемых профессиональной защитой создавался институт адвокатуры. По преобладающей категории уголовных дел прокурорам и адвокатам предстояло вести полемику перед судом присяжных.

Судебная реформа всячески тормозилась ретроgrадами при власти. Особенно часто в ход шел довод «практического плана». «Откуда мы возьмем адвокатов, у нас нет таких специалистов», — замелькало на страницах периодики. Подобная аргументация, надо признать, щедро подпитывалась тем состоянием юридической помощи, какое укоренилось за три столетия в общественном быту. При закрытом и письменном процессе судебное представительство заключалось в составлении и подаче «бумаги» (прошения или жалобы). Занимались хождениями по судейским канцеляриям ходатаи и стряпчие. Их деятельность законодательно никак не регламентировалась. Разношерстная толпа «судоходков» состояла из мелких чиновников, причем не обязательно отставных, прожившихся помещиков, разорившихся купцов, спившихся и уволенных со службы военных, бывших приказчиков,

интендантов, управляющих имениями и домами и просто сидельцев кабаков и пивных лавок. Ябедники, кровопийцы, чернильные души, «крапивное семя» — вот как называли их в народе. Не было в стране более презираемого племени. В 1960-х годах, когда уже готовилась судебная реформа, в печати даже развернулась дискуссия о самой возможности появления в адвокатуре «людей образованных, честных, благонадежных».

К счастью, скептики были развенчаны. Прав оказался Сергей Зарудный, выдающийся государственный деятель, который внес наибольший вклад в принятие Судебных уставов: «В истории неоднократно бывало так — для крупного дела всегда найдутся крупные люди».

И нашлись! В профессию, основанную на живом, свободном слове, пришли широко образованные, творчески одаренные юристы — с государственной службы, из судов, с университетских и школьных кафедр, из литературы и журналистики, некоторые возвратились из-за границы. Пришли с верой в идеалы и принципы, провозглашенные Судебными уставами, с желанием послужить праву и справедливости, защите личности от произвола власти.

Современники удивлялись, как быстро присяжные адвокаты освоились с новыми, незнакомыми формами судопроизводства и буквально с первых шагов приковали к себе внимание яркими выступлениями на судебных процессах.

За полвека своего существования русская присяжная адвокатура выдвинула из своих рядов немало выдающихся судебных ораторов. В настоящий Сборник включены речи семи из них. Пятеро — дети судебной реформы, двое — ее внуки. Арсеньев, Урусов, Хартулари — адвокаты «первого призыва», Александров и Жуковский — в том же 1866 г., когда Судебные уставы вступили в действие, пришли в обновленную прокуратуру и несколько лет выступали государственными обвинителями. Холев и Казаринов стажировались у «первопризывников» и стали одними из лучших в своем поколении. Случаются уголовные дела, которые рассматриваются неоднократно, повторно, либо такие, где подсудимые находятся между собой в конфликте. Благодаря такого рода нашумевшим в свое время делам — Дмитриевой и Кострубо-Карицкого, Мироновича, Нотовича — читатель сможет также ознакомиться

с речами участвовавших в них настоящих исполинов слова — Андреевского, Карабчевского, Плевако, Спасовича, которым посвящены отдельные книги данной серии.

От немого судебного процесса дореформенной Руси присяжные адвокаты не могли унаследовать решительно никаких образцов профессиональной защитительной речи. И казалось бы, в таком положении было естественным ориентироваться на зарубежную, славящуюся своими вековыми традициями французскую адвокатуру, организация которой в виде самоуправляемой корпорации была воспринята Судебными уставами. Но огромная заслуга «первопроходцев» Арсеньева и Урусова, кстати, в совершенстве владевших французским языком и оттачивавших свои юридические познания в университетах Парижа и Бонна, было то, что они изначально, скорее даже не осмыслили, а остро почувствовали: перенесение французских образцов на отечественную почву непродуктивно.

Впоследствии Арсеньев, основываясь на двадцатилетнем защитительном опыте русской адвокатуры, отмечал, что в сравнении с французской ее сила в том, что «она меньше опутана рутиной, меньше усвоила себе шаблонных приемов. Compliments судьям и присяжным, чрезмерные восхваления подсудимых, мольбы об оправдании или снисхождении, идущие от имени родителей, детей или жены подсудимого, стремление подействовать на слабые стороны суда, заранее рассчитанные и подготовленные призывы к божественному правосудию — все это настолько необычно у нас, насколько заурядно во Франции. Отсюда еще не следует, конечно, чтобы наша адвокатура стояла выше французской — она только отражает в себе свойства русской природы, условия русской действительности». То, что «французские образцы для нас совсем непригодны», Андреевский в своей знаменитой лекции «Об уголовной защите» объяснял отличиями российского суда присяжных от своего французского собрата: «Наш суд присяжных, хотя и заимствован из Франции, но на деле проявил столько национальной своеобразности, что сходство осталось в одних формах. Каковы бы ни были несовершенства нашего суда, но он так нов, свеж и молод, что у него есть громадное преимущество всякой здоровой молодости: ему принадлежит будущее. Этот суд вызвал к жизни и адвокатуру, которая поневоле должна

была создавать новые формы... Если бы французская адвокатура, создавшая в прошлом столько чудесных ораторов, предстала перед нашим «судом совести», то она оказалась бы «старой крысой».

Корифеи «первого призыва», их ученики и последователи создали и развили новую национальную школу судебного красноречия, чуждую внешних эффектов, напыщенной театральности, основанную на высоких нравственных требованиях к оратору, простоте, правдивости, искренности и личной скромности.

Каждый из представленной в настоящем Сборнике «великолепной семерки» удостоился высоких оценок еще при жизни, на примерах их защитительных речей построены методические рекомендации многих научных работ по ораторскому искусству.

О речах Арсеньева говорилось, что они «могли бы с величайшим успехом явиться украшением любой западноевропейской парламентской трибуны».

«Он первый дал образец защиты живой, человеческой, общедоступной, — обрисовал роль Урусова в становлении судебного красноречия Андреевский. — Мы помним, каким действительно весенним громом пронеслось над Россией это молодое, чудесное имя. Каждая фраза, сказанная Урусовым, читалась в газетах как новое слово. Он был не из тех адвокатов, которые делаются известными только тогда, когда попадают в громкое дело. Нет, он был из тех, которые самое заурядное дело обращали в знаменитое одним только прикосновением своего таланта».

«Этот русский говорит слогом Шекспира», — отозвался о речи Александра в защиту Веры Засулич известный французский журналист Э. Лавинь.

«Талант Владимира Ивановича создал ему среди нас выдающееся положение, но он не увлекался легкими успехами и до конца жизни не перестал отличаться трудолюбием и великою скромностью... Его талант и остроумие, так ярко блиставшие у него, не поддаются подражанию, — это дар свыше», — так откликнулись в некрологе на смерть Жуковского его товарищи по профессии.

«Тонким словесным кружевом» называл Кони речи Хартулари, восхищаясь его умением добиться чистоты, прозрачности при донесении до суда самых сложных вопросов.

«Он готовится к делу с выдающимся прилежанием... В нем большой запас той энергии, которая толкает на работу и часто дает

успех и при тяжелых условиях...» — это уже оценка Холева историком, тонким ценителем адвокатской профессии Ляховецким.

Они различались — профессиональными пристрастиями, тяготением к разным категориям дел, природными способностями к импровизации или интуитивному предвидению всех опасных поворотов процесса, особенностями ораторских приемов. По-разному и готовили они свои речи. Одни их писали полностью (Холев), другие обозначали только главные тезисы защиты (Урусов), третьи речь тщательно продумывали и проговаривали, но, произнося ее, могли вообще не иметь перед собой никаких записей (Александров).

Объединяла корифеев любовь к профессии, верность адвокатскому долгу и неустанный труд, развивавший их природный художественный дар либо сделавший их выдающимися ораторами даже без помощи «матушки-природы».

В истории каждой страны есть страницы, которыми можно гордиться, и те, которых надо стыдиться. Элита присяжной адвокатуры — гордость России.

Генри Резник

Президент Адвокатской палаты г. Москвы,
кандидат юридических наук,
заслуженный юрист России

УРУСОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Урусов Александр Иванович (1843—1900 гг.) — родился в Москве 2 апреля 1843 г. В 1861 г. он благополучно окончил московскую гимназию. Поступив на юридический факультет Московского университета, он за участие в студенческих волнениях был отчислен из него с первого же курса. В 1862 г. вновь сдает экзамены и проходит по конкурсу в тот же университет.

Урусов в одинаковой мере известен как талантливый защитник и обвинитель. Из обвинительных речей, произнесенных им, широкой известностью пользовались его речи по делу Гулак-Артемовской и по делу Юханцева. Как защитник стал известен после выступления по делу Марфы Волоховой. А. Ф. Кони вспоминал по поводу этого выступления Урусова: «Посетители Московского суда того времени (1866—1867 гг.) вспомнят, быть может, неслыханный восторг присутствующих после защитительной речи по делу Волоховой, обвинявшейся в убийстве мужа, — речи, сломившей силою чувства и тонкостью разбора улики тяжелое и серьезное обвинение».

Успех к Урусову шел быстро. Вскоре после вступления в адвокатуру он завоевал широкую популярность и пользовался такой же известностью, как и Ф. Н. Плевако.

После рассмотрения известного Нечаевского дела, в котором он выступал в качестве защитника Успенского, Урусов, находясь в Швейцарии, ратовал за то, чтобы Нечаева как лицо, обвинявшееся в политическом преступлении, швейцарское правительство не выдавало бы России. За это он поплатился многолетней административной ссылкой.

По возвращении из ссылки Урусов к работе в адвокатуре допущен не был. Лишь спустя несколько лет, после неоднократных просьб, ему вновь удалось стать присяжным поверенным.

Урусов – талантливый судебный оратор. Литературный стиль его речей безупречен. Ум его живой, острый, восприимчивый. Оратор умеет и охотно идет на острую полемику с противниками.

Андреевский назвал его создателем литературного языка защитительной речи. Оценивая его ораторские достоинства, он писал: «Каждая фраза, сказанная Урусовым, читалась в газетах как новое слово. Он был не из тех адвокатов, которые делаются известными только тогда, когда попадают в громкое дело. Нет, он был из тех, которые самое заурядное дело обращали в знаменитое одним только прикосновением своего таланта. Оригинальный ум, изящное слово, дивный голос, природная ораторская сила, смелый, громкий протест за каждое нарушенное право защиты, пленительная шутливость, тонкое остроумие – все это были такие свойства, перед которыми сразу преклонялись и заурядная публика, и самые взыскательные ценители»¹.

Однако пылкость, задорность, иногда погоня за столкновением с противником, из которых он рассчитывает красивой и звонкой фразой выйти победителем, неоднократно вредили делу.

Урусов много уделял внимания внешней отделке речи и не всегда заботился о фундаментальной подготовке дела. Он добивался блестящих успехов по делам, которые давали материал для воздействия на чувства слушателей. Там, где требовался глубокий анализ, он не всегда был на высоте.

Оставляя в стороне вопрос о правильности позиции Урусова по делу Дмитриевой, включенному в Сборник, следует отметить, что, при всех ее хороших качествах, она уступает глубине и обстоятельному разбору доказательств по этому же делу Ф. Н. Плевако. Заключительный довод речи Урусова, психологически очень сильный: «Щадите слабых, склоняющихся перед вами усталую голову; но когда перед вами становится человек, который, пользуясь своим положением, поддержкою, дерзает думать, что он может легко обмануть общественное правосудие, вы, представители суда общественного, заявите, что ваш суд действительно сила – сила разума и совести, и согнете ему голову под железное ярмо закона», – был очень хорошо отпарирован Плевако.

---

¹ Андреевский С. А. Драммы жизни. – Петроград, 1916. – С. 622.

Возражая Урусову, он в своей речи сказал: «Вы не дадите себя увлечь, правда, громким, сильным, но все-таки недостойным правосудию доводом, сказанным моим предшественником. Осудить Карицкого потому, что он сильный человек, обвинить потому, что он не склоняет головы, внушали вам. Вы сделаете честное дело, говорили вам, вы покажете, что русский суд — сила, что смеяться над ним нельзя. Господа, обществу нужно правосудие; правосудие же должно карать тех, чья вина доказана на суде. Общество не нуждается, чтобы для потехи одних и на страх другим время от времени произносили обвинение против сильных мира, хотя бы за ними не было никакой вины. Теория, проповедующая, что изредка необходимо прозвучать цепями осужденных, изредка необходимо наполнять тюрьмы жертвами, недостойна нашего времени. Вы не поддадитесь ей! Подсудимый, вина которого не доказана, может ввериться смело суду вашему».

Большую известность приобрел Урусов своими выступлениями как гражданский истец. Одна из таких его речей (по делу Сарры Беккер) включена в Сборник.

В годы реакции — в 80-х годах — во время еврейских погромов, выступал по этой категории дел в качестве гражданского истца. Несмотря на преследования в печати, его выступления отличались мужеством и принципиальностью, в них он старался пробудить негодование передовой интеллигенции против этого позорного явления. Охотно проводил процессы в защиту лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности за религиозные убеждения.

Литературный стиль его речей был всегда образцовым, отличался простотой изложения, последовательностью и ясностью. В своих речах А. И. Урусов иногда позволял некоторые вольности с фактическим материалом, с их обрисовкой, за что его неоднократно упрекали его же коллеги.

Пользовался большой известностью не только в Петербурге и Москве, но и на периферии. Приглашался для участия в процессах, слушающихся за границей. В 1891 г. защищал в Парижском суде Леона Блуа, обвинявшегося в диффамации.

Адвокатскую деятельность Урусов сочетал с литературной работой. Сотрудничал в «Библиотеке для чтения», издаваемой П. Д. Боборыкиным, в «Русских ведомостях», в «Порядке» и др.

ДЕЛО ВОЛОХОВОЙ¹

Дело слушалось в Московском окружном суде
в 1867 г.

Господа судьи! Господа присяжные! Вашего приговора ожидает подсудимая, обвиняемая в самом тяжком преступлении, которое только можно себе представить. Я в своем возражении пойду шаг за шагом, вслед за товарищем прокурора. Мы, удостоверясь в существенном значении улик, взвесим их значение, как того требует интерес правды, и преимущественно остановимся не на предположении, а на доказательствах. Искусная в высшей степени речь товарища прокурора, основанная преимущественно на предположениях...

Председательствующий. Господин защитник, я прошу вас удерживаться, по возможности, от всяких выражений одобрения или порицания противной стороны.

Защитник. Господин товарищ прокурора в своей речи сгруппировал факты таким образом, что все сомнения делаются как бы доказательствами. Он озарил таким кровавым отблеском все улики, что мне приходится сознаться, что вы, господа присяжные,

---

¹ Печатается по: Русские судебные ораторы. — М. : Юрид. лит., 1958.

должны были склониться несколько на его сторону. Вспомните, господа, что мы два дня находимся под довольно тяжелым впечатлением. Наслоение впечатлений, накопившихся в продолжение этих двух дней, не дает нам возможности сохранить ту долю самообладания, которая дала бы возможность строго взвесить все улики и скептически отнестись к тому, что не выдерживает строгого анализа. Господин товарищ прокурора опирается преимущественно на косвенные улики. Первой уликой он представляет народную молву. Господин товарищ прокурора говорит, что народный голос редко ошибается; я думаю наоборот. Народный голос есть воплощенное подозрение, которое нередко вредит крестьянину. Почему в настоящем случае народный голос является против подсудимой? Труп найден в погребе дома Волохова. Волохов жил несогласно со своей женой, после этого следует немедленное заключение — она виновна. Почему? Больше некому. Вот народная логика.

Для того чтобы нагляднее понять, что такое народный голос в настоящем случае, необходимо вспомнить существенные черты характера действующих лиц. Каков человек был Алексей Волохов? Он был пьяница, во хмелю буянил, бил стекла (по осмотру оказалось, что в его доме было разбито до 40 стекол); когда он возвращался пьяным домой, он шумел, но при этом, как показали все свидетели, он стоял крепко на ногах. Эта индивидуальная черта его имеет весьма важное значение. Замечательно, что никто из свидетелей не подтвердил главного обстоятельства, никто не сказал, вернулся ли Алексей Волохов 17 августа домой ночевать, тогда как в два или три часа его видели на улице пьяным. Мы знаем, что он был в этот день несколько раз в трактире. Никита Волохов видел, как он шел по улице с каким-то мужиком пьяный, но он не сказал, что видел его, как он вошел в дом. Если бы было доказано, что он ночевал в этот день дома, то это было бы довольно сильной уликой против подсудимой, между тем почти положительно можно утверждать, что он не ночевал дома, так как его ближайшие соседи, Никита и Семен Волоховы, непременно должны были слышать его возвращение. Член суда, производивший осмотр, удостоверяет, что из половины Семена слышен был даже обыкновенный разговор в половине Алексея, а тем более должны были быть слышны шум и крики, без которых невозможно было совершить убийство.

Господин товарищ прокурора делает предположение, что Волохов был убит сонным, но я полагаю, что делать предположения в таких важных делах мы не имеем никакого права. По мнению эксперта Доброва, подтеки на руках убитого могли произойти от сильного захвата рукой; если допускать предположение, то в этом случае возникает сильное сомнение о самом обстоятельстве дела. Относительно показания мальчика Григория я должен заметить, что оно носит на себе явный след искусственности. Вы слышали, господа присяжные, что мальчик признавался, что он действовал по научению дяди; если предположить, что мальчик действовал сознательно, то чем объяснить то обстоятельство, что он от 17 до 22 августа никому ничего не говорил, он бегает свободно по улицам, играет с мальчиками, и мать его свободно отпускает. Остановимся на минуту на предположении, что убийство совершено ею и мальчик видел это, то неужели бы она отпустила его на улицу, где каждый мог бы его спросить об отце? Впрочем, остановимся на его показании: он говорит, что видел, как мать его ручкой топора без железа била его отца; потом он говорит, что видел отца в погребу; ясно, что мальчик смешивает время, он легко мог видеть, как отец его пьяный спал и у него из носу текла кровь, после же он слышал, что отец его найден в погребу. Мальчик явно перемешал события; выдумкой в его рассказе является только показание его о топоре. Я не могу допустить мысли, чтобы мальчик до такой степени отдавал себе отчет о своих впечатлениях, чтобы так долго помнить о таком событии. Далее, в числе улик товарищ прокурора приводит то обстоятельство, что подсудимая 17 августа ходила ночевать к Прохоровым; он объясняет это ее боязнью оставаться ночевать в том доме, в котором она только что совершила убийство; но эта улика достаточно опровергнута следствием, так как свидетели показали, что она и прежде ночевала у соседей, когда муж ее возвращался домой пьяный. 17 августа, видя, что муж долго не возвращается, и думая, что он возвратится пьяный, она уходит ночевать к соседям. Господин товарищ прокурора не допускает того, чтобы она, уйдя из дома, не заперла ворот, но я должен заметить: во-первых, что ей незачем и нечего было запираить, так как у нее в доме ничего не было; во-вторых, раз вышедши из ворот, запереть их изнутри невозможно. Вы слышали, что Мавра Егорова ушла ночевать к Прохоровым, дом оставался пустой. Никита, бывший в то

время ночным сторожем и живший рядом, не мог не знать этого. Никита говорит, что он не помнит, караулил ли он 17 августа. Он отрицает драку свою в тот день с Алексеем Волоховым, отрицает даже, что был в тот день в трактире, но мы должны в этом случае более доверять показанию трактирщика. Я считал излишним громоздить судебное следствие вызовом трактирщика и других, видевших Никиту в трактире. Я не имею права составлять новый обвинительный акт, но странным является отрицание Никиты о бытности его в трактире с Алексеем Волоховым.

Затем я должен остановиться на осмотре следов крови, найденных в верхней части дома. Пол в комнате был найден замытым на три квадратных аршина, в пазах пола были найдены небольшие сгустки крови. Я говорю «небольшие» на том основании, что если бы куски были большие, то они были бы перед вами в числе вещественных доказательств, вместо этих забрызганных кровью щепок, которые лежат перед вами. Из медицинского осмотра мы видим, что у Алексея Волохова вскрыта была полая вена, из которой должно было быть обильное кровотечение; кроме того, Алексей Волохов был человек с сырой, разжиженной кровью, следовательно, кровь должна была вытечь из его тела в огромном количестве; должны были быть крупные фунтовые сгустки крови, и тогда незачем было бы соскабливать маленькие кровяные пятнышки, чтобы представлять их к судебному следствию; тогда нужно было бы представить эти большие сгустки. Между тем мы их не видим. Так как наука не в состоянии доказать, какая кровь найдена была в верхней комнате, то не было бы причины подозревать непременно, что это кровь человеческая, но, заметьте, что подсудимая сама не отрицает того, что это была кровь Алексея Волохова, и объясняет это кровотечением из носу. Мы не имеем причины не доверять ей в этом случае, тем более что фельдшер подтвердил, что он ставил банки Алексею Волохову, который жаловался на приливы крови в голове.

Правда, общественное мнение склоняется не в пользу подсудимой. Оно говорит, что подсудимая была злого и сердитого характера, но не надо забывать того, что это мнение было высказано тогда, когда в народе уже сложилось убеждение в виновности подсудимой, и потому доверять ему вполне нельзя.

Далее. И товарищ прокурора в числе улик выставляет нравственные качества подсудимой. Признаюсь, я не ожидал, чтобы нравственные качества человека можно было поставить ему в вину. Я должен прибавить, что эта женщина десять лет была замужем. Имея пьяного мужа, который пьяный буянил, она часто уходила ночевать к соседям. Мудрено ли было в этом случае молодой женщине увлечься, а между тем из показаний свидетелей и из повального обыска мы видим, что она никогда не нарушала долга жены. В доказательство ее нравственных качеств я должен прибавить, что она на повальном обыске никого не отвела от свидетельства о ее поведении. Здесь, на судебном следствии, она требовала, чтобы все свидетели были спрошены под присягой, хотя я накануне заседания объяснял ей, что свидетелям, спрошенным без присяги, дается менее вероятия, но она отвечала мне: «Авось они оглянутся и покажут правду», — так твердо она была уверена в своей невиновности. Товарищ прокурора находит, что у Алексея Волохова не было врагов, не было причины враждовать против него, но судебное следствие показывает нам, что могли быть причины вражды: он нанимался не раз в рекруты и не исполнял обещания. Кроме того, я должен сказать, что жена Никиты судилась как-то с одним мужиком по вопросу об изнасиловании, что могло подать повод к насмешкам со стороны подсудимой и тем возбудить против нее вражду. Кроме того, для братьев покойного Алексея мог служить предметом зависти дом его. Я не хочу сказать, чтобы для братьев его мог быть интерес убить Алексея, этот интерес мог и не существовать, но зато мог быть интерес скрыть преступника. В числе других улик, выставленных господином товарищем прокурора, он указывал на то, что Мавра Егорова часто ругала своего мужа, называла его жуликом, мошенником и каторжником. Но кому неизвестно, что в народе употребляются более резкие ругательства, и они не могут давать повода к подозрению совершения преступления. Да и могла ли Мавра Егорова равнодушно смотреть на развратный вид пьяного мужа, который действительно выглядел арестантом. Далее, товарищ прокурора говорит, что убийца всегда старается бежать от трупа. Совершенно соглашаясь в этом с товарищем прокурора, я должен заметить, что Мавра Егорова не страшилась быть на погребке, она солила там огурцы и лазила даже в погреб. Если допустить, что Мавра Егорова совершила преступление, то ее нужно

признать за какое-то исключение из всех людей. Между тем, если допустить, что убийство совершено было посторонним лицом, то проще допустить, что убийца бросил труп в погреб Волохова. Дом был совершенно пустой, погреб от улицы был в семи шагах — все это очень хорошо мог знать ночной сторож.

Товарищ прокурора замечает, что трудно предположить, чтобы посторонний убийца сходил за мешком, в который положил Волохова. Я согласен, что это трудно, но еще труднее предположить, чтобы был отыскан мешок там, где его не было, а мы знаем, что Мавра Егорова не имела мешка, она даже брала мешок у соседей, когда ей нужно было солить огурцы. Если допустить, что подсудимая, совершив убийство, уничтожила все следы преступления, замыла кровь на полу в верхней комнате, то почему же она не замыла пятен крови, оказавшихся на окнах и стенах.

Кроме того, и из медицинского осмотра видно, что раны были нанесены тремя родами орудий. Не говоря уже о том, что одному человеку нужно было употреблять три различных орудия для того, чтобы совершить убийство, я замечу, что в доме Волоховых ни ножа, ни шила не было найдено. Что подозрения на подсудимую могли быть, об этом не может быть и спора, но закон говорит, что для того чтобы преступление было наказано, оно должно быть несомненно, а всякое сомнение должно толковаться в пользу подсудимой и никак не во вред ей. В настоящем же случае я полагаю, что убеждение в виновности подсудимой ни в каком случае не могло у вас сложиться. Тому показанию свидетелей, что Мавра Егорова не часто ночевала у соседей, я ни в каком случае не могу доверять. Они показывают так потому, что боятся, чтобы не навлечь почему-либо в этом случае на себя подозрения, и показывают так для того, чтобы окончательно отстранить себя от всяких подозрений. Далее, товарищ прокурора говорит, что подсудимая постоянно клеветает на свидетелей; клеветает ли она, я предоставляю судить об этом вам, господа присяжные; я со своей стороны думаю, что большей искренности со стороны подсудимой и желать нельзя. Если вы недостаточно убедились моими доводами, то я должен заявить вам, что случаи судебных ошибок нередки в уголовной практике. Нужно надеяться, что эти ошибки будут реже и реже. Тем не менее я могу допустить, чтобы суд присяжных мог допускать такие ошибки. Вы, господа присяжные, должны поста-

новить свой приговор, основывая его на убеждениях логических, а не формальных.

Господа присяжные, настоящее преступление совершено было среди белого дня, между тем Семен Волохов говорит, что он, вернувшись вечером домой, никакого шума в квартире Алексея не слышал.

Показание Прохорова об ужасе подсудимой, когда она пришла к нему ночевать, ничем не подтвердилось. Я с изумлением замечая, что товарищ прокурора в числе улик признает слова ее, сказанные Никите, что если ее притянут к суду, то он будет стоять с ней на одной доске. Если придавать этим словам значение, то странно, почему же Никита не был привлечен к суду. Я объясняю слова ее так: она хотела этим выразить, что если ее, против которой нет никаких улик, привлекут к суду, то тем более должны привлечь к суду Никиту, который был сторожем в деревне и должен знать, кто совершил убийство. В заключение я должен упомянуть о краже 150 рублей. Мавру Егорову постоянно попрекает сноха тем, что она нищая, что муж ее все у нее пропил. Она из досады похищает у снохи деньги, но совесть ее мучит, и она открывается в этом священнику. Она никогда не обвиняла мужа, она прямо говорит перед священником, что она, а не муж ее, украла деньги. Тот берет клятву с Семена и его жены в том, что те никому не расскажут о происшедшем. Что же происходит? Вот, господа присяжные, насколько нравственными личностями являются Семен Волохов и его жена. Только что поклявшись перед образом, они через полчаса нарушают эту клятву. Представляю вам судить, насколько можно доверять этим личностям в их показаниях.

Господа присяжные, я ожидаю от вас строгой правды, строгого анализа. Перед вами женщина, шесть месяцев томившаяся под тяжелым обвинением. Девять лет в горе прожила она с мужем, еще худший конец ожидает эту нравственную личность. Невольно преклоняешься перед таким горем.

Подсудимая была оправдана.

ДЕЛО МОРОЗКИНА¹

Заседание Московского окружного суда 8 июля
1867 г.

Господа судьи, господа присяжные! Вы слушали речь, в которой господин товарищ прокурора старался обвинить моего клиента в преступлении весьма тяжком. Морозкин, по уверению господина обвинителя, не только оскорбил пристава Реброва, но еще совершил явное насилие над полицейскими властями, не только сопротивлялся им, но даже арестовал их! Такое исключительное по своей странности преступление действительно предусмотрено уголовным кодексом и служит как бы видоизменением бунта, бунта, совершаемого не массой, а одним лицом. Это восстание открытое и насильственное, восстание одного лица против целого порядка управления. Действительно, странное, слишком неправдоподобное происшествие! Рассказать его непредупрежденному, свежему человеку — он не поверит. Он скажет: или подсудимый сумасшедший, или того, что вы рассказываете, вовсе не было. Господа присяжные, согласитесь, что все событие, о котором идет речь, носит на

---

¹ Печатается по: Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах. — М. — Т. IV.

себе решительно сказочный оттенок: не в каком-нибудь захолустье, а в самом центре Москвы, в самый разгар ее вечерней жизни некто кондитер Морозкин, возьми да и арестуй у себя чуть не всю московскую полицию!.. (*Взрыв смеха в публике. Председатель звонит.*) Как это ни маловероятно, однако Морозкин за такое дело предан вашему суду, стоит здесь за решеткой и не знает, что ждет его в будущем. Приходится защищать его от такого обвинения. Начнем же с того, что восстановим действительность по тем данным, которые мы можем считать положительными. Постараемся с помощью свидетельских показаний воссоздать возможную и сколько-нибудь правдоподобную картину удивительного происшествия.

22 ноября 1886 года, в 8 часов вечера, в доме царевны Грузинской, близ театра, наблюдательные прохожие могли любоваться интересной картиной. На дворе было темно. В Большом театре шло представление. Сквозь освещенные окна кондитерской Морозкина видно было, как рассказывает по комнате хозяин, видимо, взволнованный; у дверей наружных, ведущих на улицу, иногда становился работник, удерживая их от напора любопытных. За прилавком, все в слезах, стояли жена Морозкина и мальчик, сын его. Но все это еще не представляло бы ничего особенного, если б в комнате не находилось до восьми полицейских чинов, из которых двое были переодеты, в тулупах. У дверей, снаружи, находились два будочника, вероятно, для порядка. Сцена, происшедшая в кондитерской, была очень оживленная. Спрашивается: какую роль играли в ней чины полиции? Представьте себе, господа присяжные, они были в плену у Морозкина. Мы были арестованы, говорят нам на суде. Он нас не пускал. Куда же он вас не пускал? Из кондитерской. Значит, он употребил для этого явное насилие? Да, он велел работнику запереть дверь и стал около нее. А сколько было дверей в кондитерской? Две. Почему же вы не вышли в другую дверь? Кажется, совершенно естественный вопрос. Однако полиция не нашлась на него ответить. Ведь дверь была отворена и хозяин, прохаживаясь по комнате, не заграждал вам пути. В этом все свидетели согласны. Ведь он в это время был занят тем, что, по вашему выражению, делал дерзости. Ну, а дверь открыта: кто же вам мешал уйти? Можно бы подумать, что чины полиции потому не уходили, что желали составить акт о случившемся, но оказыва-

ется, что они даже отказали Морозкину в его просьбе о составлении акта, а просто сидели и дожидались последнего явившегося лица, пристава Неелова: тогда только составили акт о том, что время, пока они сидели у Морозкина и посылали то за одним, то за другим, то за третьим, следует считать арестом!

Тут, собственно, речь идет одвоякого рода полицейских: одни были неизвестные люди, принятые Морозкиным за переодетых мошенников: Ребров, Ларионов и Поляков; другие, а именно свидетели Лясковский, Кривцов, Неелов и Тимирязев, были более или менее известны в квартале, где жил Морозкин, являлись к нему с атрибутами власти. Первых трех Морозкин действительно задержал и не скрывает этого. Задерживать неизвестных людей, врывающихся к вам в дом, я полагаю, может и должен всякий. Остальных же, официальных лиц, Морозкин не задерживал, так как они все время находились в движении: один уходит, другой приходит. Один уводит господина Реброва во внутреннюю дверь, а сам возвращается в наружную, с улицы, обошедши кругом всю квартиру. Где же тот, который называл себя Ребровым? — спрашивает Морозкин. Он ушел, говорит господин Лясковский, и Морозкин еще более сомневается насчет личности пристава Реброва. Разве приставы убегают тайком, спрашивает он, точно беглый солдат? Это выражение господин товарищ прокурора признает оскорбительным. Но ведь, очевидно, что оно было сказано в отсутствие пристава Реброва: только с минуты его исчезновения он стал в глазах Морозкина беглым. Господин Кривцов удаляется за частным приставом Нееловым. Зачем? Морозкин объясняет это весьма просто: господин Кривцов, как поручик, не счел себя вправе формальным актом удостоверить личность господина Реброва, частного пристава. Я этих обычаев не знаю. Может быть, оно там так и нужно. Но вот что странно: уходили же некоторые из них через эту заднюю дверь и возвращались через входную. Что же удерживало других чинов последовать примеру господина Реброва? Прокурорская власть, повторяя слова полицейских офицеров, отвечает, что в другой комнате, чего доброго, могли быть двадцать, тридцать человек рабочих Морозкина, и там господа офицеры могли опасаться еще большего насилия, оттого-то они-де и вышли во внутреннюю дверь. Значит, преступление Морозкина сводится к тому, что полиция не хотела идти через одну дверь, а хотела идти

через другую, но почему-то не пошла, хотя и эта дверь беспрестанно отворялась, то для господина Тимирязева, то для господина Ляковского, то для господина Неелова; да и кроме того, с наружной стороны ее стояли два городских. Но, признаюсь вам, господа присяжные, что все это хотя и повергает меня в совершенное изумление, но все-таки бледнеет перед гипотезой о тридцати рабочих. Откуда взялось это фантастическое предположение? Чье испуганное воображение создало эту страшную засаду тридцати рабочих, ожидающих неведомую жертву? И как правдоподобно, чтоб в одной комнате стоял крик и гвалт, а из другой никто и не выглянул, никто не рискнул показаться!.. Наконец, господин Ребров решается: он уходит в открытую дверь. Никто его не держит. Невидимые рабочие продолжают существовать в области фантазии. Опасность миновала.

Признаюсь, когда я слышу такие доводы, они меня удивляют; мы не шли в ту комнату, потому что опасались насилия!.. Но ведь вы исполняете обязанность службы, вы вооружены властью. Вы разыскивали воров, вы ворвались в чужой дом с целью разыскать подозрительных людей, так ищите же их. Зачем же вам было стоять в первой комнате и заводить историю, вместо того чтобы искать предполагаемых воров в следующей комнате? Да если б в ней было не тридцать воображаемых, а триста действительных рабочих, и тогда бы вы должны были идти в нее искать, исполнять обязанность службы. Вы не пошли, значит, вы не хотели идти. Сознание справедливости и законности внушает мужество, а опасность — не отговорка.

Вот вам, милостивые государи, в общих чертах дело, как оно могло быть и было. Морозкин имел право задержать Афремова как подозрительного человека. Будь я в таком же положении, приди подозрительный человек к кому-либо из нас, господа, и я, и вы сочтем себя вправе задержать его и пошлем за полицией. Если вместо полицейского надзирателя, к которому мы обращаемся, войдет неизвестный человек в военной форме и потребует грозно отчета, как мы смели так поступать? — и велит тотчас отпустить задержанного, я полагаю, что никто, уважающий себя, не послушается беспрекословно, а пожелает сперва удовлетвориться, обязан ли он подчиняться и действительно ли перед ним лицо, власть имеющее? Так поступал и Морозкин. Если угрозы вывели

его из терпения и кровь в нем заговорила, то отрадно видеть, что она не подбила его на насилие более действительное и у него вырвались только слова: «Я тебя к мировому стащу». Энергичная, раздраженная натура сознавала, однако, что существует высшая сила законности. Прошу вас, не принимайте за пустую фразу слова Морозкина о том, что он вспоминал про знаменитую историю с рогожским кладбищем. Это знаменательный факт. Вот оно, безмолвное, трепетное подчинение, крепкое задним умом, распростертое плашмя. В стране, где люди сознавали бы свои права с энергией Морозкина, там такие происшествия были бы невозможны. Это знаменитое приключение произвело чрезвычайно сильное впечатление. Морозкину оно вспомнилось тем естественнее, что бесцеремонность приемов и выражений полиции едва ли согласовалась с той строгой сдержанностью, которую закон требует от своих исполнителей.

Вы слышали показания Морозкина, Трофимова и Картошкина относительно фразы о борьбе и угрозах. Я не вижу, почему не верить вполне двум свидетелям, которые с замечательной простотой и достоинством дали свои присяжные показания. Но возможна ли такая дикая угроза? Пусть ответит ваше практическое знание русской жизни. Возьмем другую сторону обвинения. На фактической стороне обвинению не устоять, оно должно отступить.

Но в чем же заключается внутренняя сторона мнимого поступка Морозкина? Где же причина этого действия, где психическая основа его, где мотив? Решаться на сопротивление, на арест полиции, посылать за другими полицейскими, точно набирая нарочно побольше свидетелей и обличителей, — это просто помешательство. Вот если б мотив был, тогда еще, пожалуй, как-нибудь это и объяснилось бы, хотя и с натяжками. Пристав Ребров первый заявил об этом мотиве. По его словам, Морозкин его знал и был на него зол за то, что он, Ребров, незадолго перед тем арестовал шайку мошенников, с которой Морозкин был в сношениях. Мотив найден: это месть. Здесь, перед вами, пристав Ребров должен был сознаться, что сношений Морозкина он ничем доказать не может, потому что этот факт основан на секретных сведениях. Как, на основании секретных сведений можно публично называть честного человека сообщником мошеннической шайки! Как можно безнаказанно бросить на человека тень, кидать грязью

в него и отговариваться полицейской тайной! Перед лицом суда и вас, господа присяжные, от имени всех честных людей я громко протестую против такого нареkania! Лучшее достояние гражданина — его доброе имя. Неужели про каждого из нас полицейский чиновник может сказать: он негодяй, но я не могу ничего доказать, потому что я это положительно знаю из секретных сведений! Нет, милостивые государи, честное имя охраняется всеми честными людьми, и только честные люди умеют им дорожить. Морозкину нечего краснеть от подобного нареkania. Для суда и совести только то истинно, что может быть доказано; одна истина не боится света. Прошлое Морозкина чисто, защита может громко заявлять о своей солидарности с клиентом, может подать руку человеку, стоящему за этой решеткой, а на это, поверьте мне, решаясь не часто... Пристав Ребров затруднился отвечать на мои вопросы; впрочем, тотчас же оказалось, что если он что-нибудь и открыл, то уж никак не шайку, так как задержанные им люди судились у мирового судьи, которому преступления, совершаемые шайкой, неподсудны. Усиливаясь бросить невыгодную тень на Морозкина, пристав Ребров отказался привести свои секретные основания, но в вашей совести, милостивые государи, это показание пристава Реброва уже нашло себе достойную оценку. Я не хочу больше упоминать о нем. Я мог бы ограничиться этим обзором, этим отражением обвинения на его главных пунктах. Но, рискуя утомить ваше снисходительное внимание, я вынужден бегло просмотреть свидетельские показания или, другими словами, указать вам на материалы, из которых само собой сложилась моя защита. Тогда я буду иметь возможность сказать, что защита вооружена фактами, которые она отняла у обвинения и обратила против него.

Показания Полякова опровергли мнимое оскорбление действием, состоявшее в том, будто Морозкин выбил из рук Реброва кепи. Морозкин не стоял у дверей, а ходил по комнате. Реброва он не называл по имени. Ляковский вышел в наружную дверь, равно как и унтер-офицеры. Значит, она была свободна. Свидетель не знает Морозкина. Он утверждает, что по инструкциям обер-полицеймейстера он уполномочен производить обыски и выемки. Я полагаю, что такие судебные действия со стороны полиции в обыкновенных случаях положительно запрещаются законом и составляют превышение власти, на основании судеб-

ных уставов 20 ноября 1864 года (ст. 249—261 Устава уголовного судопроизводства), отделивших судебную власть от административной. Может быть, свидетель смешивает сыски и обыски. Из показаний второго свидетеля, Ларионова, мы видим, что он также не знал Морозкина и ругательств не слышал. Оба свидетеля были переодетые, в тулупах. Третий свидетель, Ребров, показал, что Морозкин вообще делал дерзости, что слова жены Морозкина (будто бы назвавшей его по имени, обстоятельство сомнительное и вовсе непроверенное) сказаны были в самом конце происшествия; о другом показании Реброва я уже упомянул. Четвертый свидетель, Лясковский, показал, между прочим, что его Морозкин не задерживал. Свидетель думает, что кепи вышиблено без всякого умысла, — показание дано под присягой. Из показаний пятого свидетеля, Кривцова, видно, что Морозкин просил составить акт, но он, то есть свидетель, только ручался ему на словах, что перед ним действительно Ребров. Морозкин объяснил вам, почему одних слов ему было мало. Он дорожит своей репутацией, ему нужно было очиститься перед людьми, показать им официальное доказательство, что к нему приходили не как к вору; он знает по опыту, что очернить человека недолго. Шестой свидетель, Неелов, представляет ясное доказательство того, как факты изменяются под влиянием страстей. Он утверждает, что Морозкин сказал ему: ну, я и вас тоже арестую. И в то же время с негодованием упоминает, что Морозкин вместо воды предложил ему лимонаду! И тут он видит оскорбление! Крайне неправдоподобные, бессмысленные слова, приписываемые Морозкину, отвергаются положительно двумя свидетелями, Картошкиным и Трофимовым. Наконец, седьмой свидетель, Тимирязев, не слышал ничего ни о наименовании Реброва, ни об орденах. Заметьте, милостивые государи, это не подтверждается и четырьмя другими. Первые семь свидетелей — все полицейские офицеры, утверждающие, что они более или менее пострадали от преступления. Но вот два показания свидетелей, также выставленных обвинительной властью. Картошкин, тот самый, который показался подозрительным Афремову и был принят *за двух подозрительных людей* Поляковым и Ларионовым, передал здесь очень ярко всю подозрительную странность появления Афремова. Из показаний Картошкина, данных под присягой, видно, что пристав Ребров тотчас же хотел или грозил арестовать

Морозкина. Он слышал прискорбную фразу: «Всей твоей бороды не станет, по волоску ее выщиплем». Реброва Морозкин называл беглым заочно. К полиции он действительно пристаивал, упорно требуя акта, но «не выпущу» не имело никакого серьезного значения, так как в обе двери всегда можно было уйти и в них действительно выходили и входили. Морозкин никого насильно не держал и пьян не был. Наконец, девятый свидетель, Трофимов, показал, что он удерживал народ, а не полицейских. Хозяин, боясь скандала и опасаясь, что войдут непрошенные зрители, велел ему стоять у двери, но так как он, собираясь спать, был в одном нижнем белье, то уходил несколько раз от двери в другую комнату, и хозяин уходил туда же несколько раз. Скажите же, господа присяжные, где тут насилие, где тут преступление?

А этот несчастный человек уже восемь месяцев лишен свободы, два с лишком месяца безвыходно томится в остроге, прошел в позорной одежде через весь город, почти разорен, оторван от семьи, придавлен ужасом наказания, наконец, даже имя его старались предать позору... Я надеюсь, что он выйдет отсюда оправданный вами, господа присяжные; но скоро ли забываются такие страдания?..

Еще одно слово обвинению: товарищ прокурора предложил вам обвинить Морозкина по всей строгости законов. Я на это отвечаю, что законы его не обвиняют вовсе. Статья 262 содержит общее определение той категории преступлений, к которой отнесено и деяние Морозкина. Вот ее текст: «Всякий явное и упорно не повинующийся или сопротивляющийся какой-либо власти, правительством установленной, приговаривается к такому-то наказанию». Из прочтенной мною статьи вы видите, что признаков, обусловливающих состав преступления, о котором идет речь, здесь нет. Далее, обвинение основывается на ст. 271, которая гласит: «Если сопротивляющийся постановлению власти законной или чиновнику в отправлении им должности не был вооружен, но, однако ж, позволял себе при том побои или другое явное действиями насилие, то он приговаривается к такому-то наказанию». Я спрашиваю, где же явное сопротивление и насилие? Что значит явное? Значит совершаемое с полным сознанием противозаконности и с действительной волей нарушить закон. Если возможна ошибка, то нельзя говорить о явном правонарушении. Наконец,

строгий уголовный закон признает и необходимую личную оборону обстоятельством, уничтожающим вменяемость. Даже убийство, совершенное в личной обороне, подвергает убийцу только выговору в присутствии суда. Наконец, для руководства при законной оценке факта я позволю себе напомнить вам известное дело Мазуриной, где Судебная палата признала не сопротивление властям, а просто самоуправство, подсудное мировому судье. Сравните же, прошу вас, обстоятельства того и другого дела. Но строгость законов существует и для тех, кто превышает пределы своей власти, кто компрометирует само достоинство закона (ст. 338). Наконец, вспомните, что закон (ст. 26 и 30 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями) наказывает тогда только за неисполнение требований полиции, когда эти требования законны. Таково и авторитетное мнение кассационного суда.

Я кончил, господа присяжные. Немало в этих стенах проходило процессов об оскорблении полиции, и нельзя было не дивиться их многочисленности. На первых же порах своей благотворной деятельности суд столкнулся с этим явлением. Если эти процессы не имели большого юридического интереса, они заключали в себе много общественных интересов. Странно, неужели русский народ так создан, что у него существует преимущественная склонность оскорблять полицию? Что за противозаконная эпидемия? Но не принимаем ли мы следствия за причину? Наконец-то дождалась мы процесса, превосходящего по своим размерам все доселе виденное в том же роде. В первый раз вы призваны подать свой голос в деле об оскорблении полиции. Пусть же высказывается вашими устами здравая, разумная сила общественного мнения. Вам, без сомнения, известны строгие отголоски общественного мнения в печати. Теперь, милостивые государи, наступает ваша очередь: не думайте, чтоб свободный голос защиты, отстаивающей права граждан, служил выражением систематической, слепой вражды против полиции как государственной силы. Отрицать значение полиции в государстве нельзя. Мы вполне признаем необходимое участие полиции в государственной экономике. Два великих начала лежат в основе общественного развития: свобода и порядок! Полиция охраняет порядок, и все мы более или менее заинтересованы в охранении порядка, гарантирующего нашу безопасность и неприкосновенность прав, но мы также заинтересованы в том, чтоб порядок был

действительно порядком. Эти два начала не противоречат друг другу; напротив, свобода и порядок в государстве не могут развиваться отдельно. В Англии существует полиция, энергия и бдительность которой перешли в поговорку: она сильна своим уважением свободы граждан и вследствие того находит в них необходимую поддержку. Никто ее не оскорбляет, никто на нее не плачется. Она служит обществу, она не угрожает ему. Она достигает своей цели, разыскивая, она находит, преследует, настигает и не останавливается. В основе порядка лежит признанное всеми народами уважение к дому, к домашнему очагу. Посягать на его неприкосновенность не значит охранять порядок.

На разрешение присяжных заседателей предложено было десять вопросов. Из них первый вопрос: «Доказано ли, что 22 ноября 1866 года, в 8 часов вечера были насильственно задержаны в кондитерской мещанина Морозкина частный пристав Ребров и квартальные надзиратели Поляков и Ларионов» и десятый: «Если Морозкин виновен в преступлениях, названных во втором и четвертом вопросах (то есть в самовольном, насильственном задержании, оказывая явное сопротивление к выходу полиции из кондитерской), то не совершил ли этого вследствие необходимой обороны» поставлены судом по ходатайству защиты. На все вопросы присяжные ответили, что Морозкин невиновен в возводимом на него обвинении.

Морозкин был оправдан.

ДЕЛО О 53 КРЕСТЬЯНАХ СЕЛА ХРУЩЕВКИ, БАРОНА МЕДЕМА¹

Неповиновение и сопротивление властям

Заседание Рязанского окружного суда
15–16 декабря 1867 г.

Вашему суждению, господа присяжные и судьи, подлежит вопрос о том, можно ли по совести признать, что целое крестьянское общество сельца Хрущевки, состоящее из 53 подсудимых, виновно огулом и порознь в неповиновении властям. Вы слышали, господа присяжные, как вчера еще обвинительный акт описывал чуть не бунт, от которого сегодня осталось так мало похожего на правду. Но все-таки вас стараются убедить в необходимости произнести обвинительный приговор, то ссылаясь на вашу совесть, то указывая вам, что подсудимым, пожалуй, еще хуже будет от оправдания. Хотя вас и предупреждали против наших доводов, но ведь мы, господа присяжные, понимаем друг друга. Зачем говорить о вашей совести?

---

¹ Печатается по: Нос А. Е. Замечательные судебные дела. — М., 1869.

Как будто вы сами без нас не знаете, что вы дали клятву сказать всю правду по совести. Совести никого не научишь. А что до того, хорошо или дурно будет крестьянам от оправдания, так это к делу вовсе не относится, и странно было бы думать, что подсудимым от того легче будет, если вы обвините их не по совести, а для их же пользы. Если бы вы сидели здесь в первый раз, я бы сказал вам, что над вашим приговором нет власти, так как свыше совести человека нет силы в мире. Вы вольны обвинить или оправдать, вы ни перед кем и никогда не отвечаете, и сам закон запрещает вам оглашать имена того, кто подаст голос «за» или «против» подсудимого. Никто не может сказать, что ваш приговор несправедлив. Вы послушаете нас и тогда увидите сами, на чьей стороне правда, а смущаться нашими или чьими-то ни было словами значило бы и саму присягу нарушить и пойти против совести. Давайте же рассмотрим внимательно все дело и обсудим его.

19 февраля 1861 года было отменено крепостное право. Крестьяне очутились в новом положении: из людей, находившихся так долго в безусловном повиновении и во власти помещицей, они наконец вздохнули свободнее, почувствовали себя такими же людьми, как и другие. Приезжайте вы в какую-нибудь новую, незнакомую страну, и многие порядки и обычаи ее покажутся вам странными, многого вы совсем не поймете, а иное сделаете по незнанию так, что выйдет в противность неизвестному вам закону. Нужно различать два рода законов. Одни общие: не убий, не укради — это всякому известно и нельзя никому сказать, что он такого закона не знает. Но совсем другое дело, если не знать нового закона о том, что посылать крестьян пахать за границы своего имения нельзя, а за рубежи можно. Положение о крестьянах заключает в себе законы новые; требовать, чтобы они на другой день после своего обнародования были всем хорошо известны, — невозможно. Хотя и сказано, что никто не может отговариваться незнанием закона, но такое положение имеет место только для законов вечных, законов совести, а иначе всем пришлось бы проводить жизнь над изучением законов, как делаем это мы, хотя все-таки не можем похвастаться, чтобы мы все законы знали. А так как крестьяне всех законных постановлений Положения 19 февраля знать не могли, следовательно, нельзя и говорить, что, нарушив закон по ошибке, они совершили преступление, потому что, по совести

судя, ошибка в грех не ставится. Вам известно из предварительного следствия, что ходили слухи между крестьянами о том, что пахать за чужими рубежами не следует, что на то закона нет. Слух этот, основанный на смешении понятия о рубеже с понятием о границе, дошел и до хрущевских крестьян, принадлежавших барону Медему. Имением управлял у него немец, на которого горько жалуются крестьяне, — он ничего не мог растолковать им путем. Услыхав, что пахать за рубежами не следует по закону, хрущевцы, естественно, обрадовались и поверили этому слуху. Жизнь-то их, как видно, была незавидная: приходилось ездить пахать за 9 верст, проезжать туда по трудной гористой дороге, оставлять там баб и ребятишек, грудных младенцев и беременных женщин без пристанища, в сырую осень, на земле, размокшей от холодных дождей. Ведь никто, не правда ли, никто из вас, господа присяжные, на это охотно не согласился бы? А тут еще слух ходит, что заставлять работать в этой Секиринской пустоши незаконно! Что бы вы на это сказали? Поставьте-ка себя на их место и скажите, что бы вы сделали? Конечно, постарались разведать про это дело получше. Так и сделали хрущевцы. Незадолго перед тем крестьяне Ефимовской волости объявили, что «нас тоже гоняли пахать, а мы не стали». Слышат хрущевцы от мирового посредника князя Оболенского, что действительно нет такого закона. Думают, кому же знать, как не посреднику? Ему и книги в руки. Опять слышат: Миллер тоже говорит, что по ст. 23 не следует пахать. Для большего удостоверения они говорят ему: «Дай нам это письменно», — он и дал им записку. Мы видим из показаний исправника Белокопытова, что пятеро из крестьян ходили в Рязань к губернатору, они показали там бумажку Миллера, и губернатор взял ее у них, но не возвратил. Вот вторая причина, побудившая их отказаться пахать.

Наконец, они, в разговоре со старшиной, слышат, что такого закона нет, он говорит им: «С Богом, нечего ездить пахать; коли выдержите дружно — ваша взяла». Ввиду всего этого, понятно, никто бы иначе не поступил, каждый скажет: «Нет такого закона, так и терпеть не буду», — и это не преступление. Вот если я знаю, что есть закон не красть, а краду, то это преступление. Не скажу, чтобы для крестьян были важны слова волостного писаря, которому законы не вполне могли быть известны, к тому же он пивал; но слова мировых посредников, что такого закона нет, — более за-

служивали доверия. Замечу также, что если я в чем уверен, то хотя и ошибочно мое убеждение, я все-таки не преступник, злой воли я тут не имею. Посмотрите же, какие последствия их ошибки! Общество разорено, многие крестьяне наказаны розгами и сверх того отданы под суд; чего же им больше желать? А ведь все дело только в том и состоит, что они отказались работать: вот и все преступление. Как им ни толковали — пахать пустошь они отказывались. Тогда начальство стало требовать платы, — дни им засчитаны. Их обязывают за отказ от работы платить деньгами. Я не сочту себя преступником, если займу у кого деньги и не плачу; ну, что же? я знаю, что с меня взыщут: нет денег — продадут имущество, нет имущества — посадят в тюрьму, а преступником не буду, и сказать мне, что я эти деньги украл, — несправедливо. Каким же образом хотели взыскать с крестьян? Вы слышали, что описали их скотину; описал ее становой, а на другой день приехал исправник поверить эту опись. С вечера было приказано утром не выгонять скотину; но начальство не приезжало целый день, — нельзя же скотине быть без корму? Ее выгнали. 14 июля в деревню приезжает начальство, а скота нет. Это было после обеда. Отправляются в поле, скота и там нет — он разошелся дальше. За начальством тянутся гусем крестьяне посмотреть, как будут отбирать скотину. Исправник остановился, вышел из тарантаса, стал убеждать крестьян, пошел говор, — а вы знаете, господа присяжные, где толпа, там и шум. Если все молчат, тогда, конечно, и шуму быть не может, но если заговорят, как не быть шуму? Мужики просят исправника: «Смилуйтесь! Нельзя скотину отбирать так, зря, мы по дворам лучше раскладку сделаем. Скотина не равна, у кого больше, у кого меньше». Начальство поняло, что действительно так поступить нельзя. Было уже поздно, вечером, посредник Хонин, как человек, знающий народ, предложил отложить до утра. Потолковали часа два, стемнело, затих говор толпы, и все вернулись мирно домой. Решили отложить до завтра, следовательно от описи начальство отступилось добровольно. Где же сопротивление, где преступление? Вы слышали, как показывал Лавр Ефимов — в чем сознаются и сами подсудимые, — что вначале был шум, но поговорили с исправником и утихли. Все было бы как следует, но вот становому почему-то показалось, что один из крестьян, Рыбаков, более других шумел; показывая на него, он сказал исправнику: «Этот ры-

жий всегда впереди». Становому не мешало бы знать его имя, а то что это за кличка «рыжий»? Ведь только зверей так различают: рыжий, черный, пегий? Рыбаков отвечает: «Ты небось сам такой же рыжий», то есть отвечает становому его же словами. Нельзя же требовать от крестьянина тонкой деликатности: это не человек, которого с детства учили, воспитывали. Иных ведь только и учат, что тонкому обращению. Итак, Рыбакова велено арестовать, да еще и велено ли было — вопрос темный. Белокопытов в своих показаниях, когда я его два раза спрашивал, говорил ли он, чтобы арестовать Рыбакова, отвечал: «Нет, не говорил, и не вырывали его». Светлов на вопрос, ушел ли Рыбаков сам, сказал, что не помнит. Хонин показал, что Рыбаков вырвал у исправника шапку и тотчас ушел. Калитин говорит, что Рыбакова не арестовали. Когда же Лавр показал, что исправник велел взять Рыбакова, и когда была по этому случаю дана очная ставка, то и исправник показал, что действительно припоминает, как велел взять Рыбакова. Оно, может, и так, да странно, как мог исправник забыть этот факт.

Главное преступление, оказывается, то, что Рыбаков назвал пристава рыжим, — вот все его преступление. Что же сделали остальные? Потолковали и с миром разошлись. Были ли у крестьян палки и колья — ничем не доказано; прокурор не отвергает, что палки были обыкновенные. Но у кого они были — неизвестно. Если крестьяне говорили понятным, что на месте положим, то это касается до понятых. Понятые иди жаловаться в суд. И опять, кто же говорил, кто ругал — неизвестно. Обругать понятых не значит не повиноваться властям. Мало ли из-за чего можно поругаться! Не описали в этот вечер скотины, потому что на другой день должны были описать. Говорят, что мужики сказали: не дадим скотины; но дать или не дать можно только то, что находится под рукой, а мужики скотину не держали, ее не было даже видно, она разошлась далеко. Хонин говорит, что крестьяне обращались с ним вежливо, почтительно, как только можно обращаться с властью, и Белокопытов тоже подтверждает, что крестьяне почитали в нем начальство и не ругали. Почему же нужно было выставлять сопротивление и неповиновение властям? Хотели описывать — поздно; на другой день тоже не описали — неизвестно почему. Денег не взыскивали. Высшему начальству могло показаться, что между крестьянами бунт, и вот отряжается целая комиссия, по посло-

вице: ум хорошо, а два лучше. Приезжают господа Голубев и Бернад. Крестьяне им говорят: мы пахать не будем; те стараются их привести к повиновению. А я полагаю, что, если бы начальство поспешило, скот был бы описан и продан, деньги высланы помещику, не было бы нужно теперь отыскивать преступления, и мы здесь не сидели бы вторые сутки. Вы слушали из показаний Белокопытова, что будто собралась толпа, был крик, «разбой, мамаево побоище» и что он, услышав это, сказал становому: пойдем, а то убьют, пожалуй. Положим, что всякий дорожит своей жизнью, это все хорошо; но служащий человек, давший обещание живот свой положить за отечество, не должен останавливаться. Белокопытов же останавливается ввиду одного предположения опасности; иди он смело до конца, может, не было бы никакого бунта, не было бы нужды вызывать комиссию, не было бы обломано так много розог и, наконец, не было бы исписано столько бумаги. Комиссия спрашивает, кто зачинщики, и ей выставили людей по догадкам. Этих людей, Морозовых, Рыбакова, жалуют в зачинщики. Каждый сочиняет себе такого зачинщика по слухам. Бернад признает Кириллу Морозова зачинщиком потому, что, встретившись с ним раз на гумне, он советовал ему, Морозову, уговорить общество идти на работу, и тот ему обещал; но встретившись с ним вторично, Кирилла сказал ему, что общество не согласилось, говоря, что такого закона нет. Итак, Кирилла зачинщик потому только, что не мог повлиять на общество. Я же думаю, что, напротив, будь он зачинщик, его мнение имело бы вес, и слова его произвели бы свое действие на крестьян. Голубев не выставляет никого. Относительно этого всего лучше показания Светлова: он говорит, что Степан один из главных зачинщиков потому, что на сходках всегда находился впереди и больше других говорил, а Кирилла же находился позади и незаметным образом воодушевлял других. Исправник тоже показал, что Кирилла секретно, незаметным образом воодушевлял крестьян. Как же так, незаметным образом, а исправник заметил и уличает? Но самое любопытное место в деле — это донесения исправника, его показание на зачинщиков, в котором оказалось, что имена все перепутаны, — одного я даже не нашел в обвинительном акте. (*Защитник читает выписки из дела.*) Мы просили исправника указать на зачинщиков здесь, но он сказал, что в лицо их не признает, что он вообще их мало знает.

Следствие зачинщиков не обнаружило, комиссия просит ограничиться показанием на нескольких лиц. На обвинение этих лиц доказательств нет; то, что показано, только одно предположение, а предположение без доказательств к делу нейдет. Из показания одного свидетеля видно, что Степан не всегда бывал на сходке, что он не домохозяин, а в Хрущевке обязаны являться на сходку только домохозяева. В чем же виноваты остальные 52 человека? Виноват ли Егор, Лавр и т.д.? Они все обвиняются огулом, а между тем каждый из них человек, у каждого есть свои права, к обвинению каждого должны быть доказательства. Люди не скоты, огулом судить их нельзя. Замечу еще одно обстоятельство: один из свидетелей, Абрам Емельянов, оказывается в числе подсудимых. Я могу объяснить это обстоятельство только тем, что дело было не разобрано, а судилось огулом целое общество и все было признано виновным. Припомните, как Голубев сообщил вам, что по приезду своем они вызывали команду. Прискакала команда по почте. Расходы были, конечно, крестьянские. Началась экзекуция, или правильнее, как говорят крестьяне, секуция: высечено было, по выражению обвинительного акта, немного. Не знаю, как определить это немного: по мне много и одного, а двоих, трех по мне — очень много, а тут говорят: не то 9, не то 10. Полицейской власти — неизвестно сколько. Голубев говорит, что он не мог считать, — неприятно было, а слышал только, как кричали под розгами. Только после этой казни крестьяне поняли под розгами, что повиноваться надо, и просили только помиловать. Начальство сочло незаработанные дни — их было более 200 — и взыскало деньги. После всего этого рассудите, господа присяжные, справедливо ли еще раз наказывать людей, не знающих, хорошо ли, дурно ли они поступают. Знаете ли, господа присяжные, зачем мы с моим товарищем ехали из Москвы защищать это дело? Взять с этих крестьян нечего, они и так разорены, того и гляди, что семьи по миру пойдут в нынешний голодный год. Зная, что ожидает их в случае обвинения, мы ехали только потому, что дело это правое: не снисхождения, а оправдания просим мы у вас, мы хотим услышать от вас справедливое оправдание. Мы будем счастливы, если удастся возвратить родной семье ее работников, возвратить крестьянскому обществу его права!